

Connecting structures as a means of expressing semantic and expressive-stylistic shades of the statements in T. Tvardovsky's poem "Far far away"

Galina ARTYKOVA¹, Zulfiya RUZMETOVA²

Urgench State University

ARTICLE INFO

Article history:

Received November 2022

Received in revised form

10 November 2022

Accepted 25 December 2022

Available online

25 January 2023

Keywords:

connecting structures,
anaphorism,
indirect speech,
tonality,
intercalary elements,
concessive connection.

ABSTRACT

The article reveals the stylistic features of the connecting structures in A.T. Tvardovsky's poem "Far far away". The most common connecting constructions with predicates are described, which show the narration the greatest dynamism. The non-union connecting sentences of nominal composition with a peculiar semantic capacity are analyzed.

2181-3663/© 2023 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-3701-vol1-iss1-pp89-96>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

A.T. Tvardovskiyning "O'lis uchun masofa" poemasidagi gaplarning semantik va ekspressiv-stilistik shakllarini ifodalash vositasi sifatida bog'langan tuzilmalar

ANNOTATSIYA

Kalit so'zlar:

bog'lovchi tuzilmalar,
anaforizm,
noto'g'ri to'g'ridan-to'g'ri
nutq,
tonallik,
interkalya elementlar,
konsessiv bog'lanish.

Maqolada A.T. Tvardovskiyning "O'lis uchun masofa" poemasidagi bog'lovchi tuzilmalarning stilistik xususiyatlari haqida so'z boradi. Predikatlar bilan eng keng tarqalgan bog'lovchi tuzilmalar tasvirlangan, ular rivoyatga katta dinamizm beradi. O'ziga xos semantik sig'imga ega bo'lgan nominal tarkibli bog'lovchi bo'lmagan gaplar tahlil qilinadi.

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Urgench State University, Urgench city, Uzbekistan

² PhD, Associate Professor, Urgench State University, Urgench city, Uzbekistan.

Присоединительные конструкции как средство выражения смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков высказывания в поэме А.Т. Твардовского «За далью даль»

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

присоединительные конструкции, анафоричность, несобственно-прямая речь, тональность, вставочные элементы, уступительная связь.

В статье рассматриваются стилистические особенности присоединительных конструкций в поэме А.Т. Твардовского «За далью даль». Описываются наиболее распространенные присоединительные конструкции со сказуемыми, которые сообщают повествованию наибольшую динамичность. Анализируются бессоюзные присоединительные предложения именного состава со своеобразной смысловой ёмкостью.

Употребление присоединительных конструкций является отличительной чертой синтаксиса русского языка. Эти конструкции позволяют свободно передать разговорный характер речи, значительно увеличить число членов при перечислении, удовлетворить потребность во всякого рода попутных замечаниях, появляющихся уже после высказывания основной мысли.

В языке поэмы А.Т. Твардовского присоединительные конструкции обнаруживаются во всем многообразии их структурно-грамматических типов и смысловых отношений. Состав присоединений разнообразен от отдельных слов и словосочетаний до предложений. Для поэмы Твардовского типичным является изолированное употребление присоединений, в особенности малоразвернутых бессоюзных (оно, впрочем, нередко и при союзах). Требующее длинных пауз, изолированное присоединение более всего отвечает той напряженной взволнованности, которая пронизывает многие страницы поэмы.

Среди малоразвернутых изолированных присоединений, функционально очень разнообразных, преобладают конструкции, выполняющие роль членов, однородных с имеющимися в основном высказывании. При таком присоединении, из-за очевидного пропуска отдельных звеньев, повествование приобретает особую смысловую емкость. Естественно, что наиболее частым является присоединение сказуемых – однословных глагольных или глагольных сочетаний, иногда с присвязочной частью составного глагольного сказуемого – инфинитивом:

Пошел, пошел по самой бровке
Тот, что в тельняшке. Заспешил.
Затор! и первенство – спецовке. (гл. На Ангаре, 164)
И не кичась судьбой иною,
Я постигал его удел.
Я с другом был за той стеною
И видел все. И хлеб тот ел. (Друг детства, 104)
И все по-своему хотели
Не сплеховать при встрече с ним.
Не оттолкнуть почтенной спесью:

Мол, то ли дело в наши дни...
Не затянуть унылой песни.
Во вкусе матушки-родни... (128)

Впрочем, сочетание с инфинитивом в присоединении может иметь и целевое и определительное значение. Все эти присоединения – с глагольным составом – сообщают повествованию наибольшую динамичность и воспроизводят то членение, которое так характерно для непринужденной разговорной речи. Своеобразным для Твардовского является развертывание такого присоединения придаточными предложениями и деепричастными оборотами.

Бегут, бегут огни Сибири
И с нерассказанной красой
Сквозь непроглядность этой шири
И дали длятся полосой.
Лучатся в тех угрюмых зонах,
Где время шло во мгле слепой.
Дробятся в дебрях потрясенных,
Смыкая зарева бессонных
Таежных кузниц меж собой. (76)

Поданные как присоединительные такие конструкции, при всей их развернутости, позволяют избежать отяжеленности стиля: он, наоборот, приобретает пластичность живой разговорной речи. Развернутым придаточным оказывается и присоединение местоименных групп, что специфично лишь для разговорной речи. В письменной же речи, как правило, не допускаемо: «Но я особо благодарен тем дням за ранний навык мой. За то, что там ребенком малым познал, какие чудеса творит союз огня с металлом в согласье с волей кузнеца» (40).

Бессоюзные присоединительные конструкции именного состава у Твардовского вообще очень своеобразны, в особенности присоединения групп обстоятельственного и объектного значений: это занимающие несколько (2–6) строк ряды однородных членов в функции, сходной с уже имеющимися в основном высказывании:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу – света и тепла.
И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной... (стр. 89–90)

Эти звенья однородных членов удлиняют фразу и при анафоричности строк создают очевидное однообразие рифмовки и утяжеляют стих. Но делается это намеренно, с целью нагнетания впечатления от описываемого: за внешней уравновешенностью стиля ощущается внутренняя драматичность. Этот прием удлинения фразы – своеобразная черта поэтического стиля Твардовского вообще.

В малоразвернутых бессоюзных присоединительных конструкциях другого структурно-грамматического типа – распространяющих основное высказывание присоединением членов, отсутствующих в последнем – содержатся лишь

второстепенные члены. Воспринимаемые как результат отрыва от основного высказывания зависимой группы членов и превращения ее в грамматически самостоятельную, такие конструкции получают большую смысловую нагрузку. Для живой разговорной речи они типичны:

Так дочка дома – все девчонка,
Вдруг – дочь. Твоя и не твоя. (221)
Уже смекал я, беспокоясь,
Какой за этот жаркий срок
Ушел по счету дальний поезд
На Дальний, собственно, Восток.
В твой край отцовский, изначальный,
Тобой прославленный. (167)

Присоединительные же бессоюзные конструкции с значением уточнения содержат обычно повторение членов основного высказывания, и распространение их имеет целью сообщение им дополнительной характеристики или расширение содержания:

Не для того меня растили
И сберегали, как могли,
Чтоб я в своей поре и силе
Чуралась матери земли.
Земли нетоптанной, нерытой,
Таящей зря свои дары,
Необжитой, недованитой
И небом крытой до поры. (131)

Использование изолированных присоединений как прием поэтического синтаксиса Твардовского проявляется и в изоляции придаточных предложений, в разговорной речи также нередкой. Этот отрыв придаточных, даже если он и является особенностью пунктуации Твардовского, приводит к особой выразительности, поскольку в таких конструкциях подчинительный союз всегда указывает на зависимое положение их. Возможности же употребления подчинительных союзов в присоединительной функции связаны, как пишет С.Е. Крючков, «основным значением самих союзов и их морфологическим составом». В поэме обнаруживается не только изоляция придаточных с сравнительными союзами, чаще и свободнее других оформляющих присоединение (например, в главе о перекрытии Ангары: «Да, это видеть было надо, как руку встретила рука. Как будто, смяв войска блокады, встречались братские войска» – 164; «самостоятельные» придаточные оформляются даже союзными словами, требующими уже особой обусловленности и делающими разрыв между главным и придаточным особенно ощутимым:

Земля пробитых в глушь путей,
Несчетных верст и редких дымов,
Как мало знала ты людей,
Кому была землей родимой! Кому была бы той одной,
Что с нами в радости и в горе... (ОгниСибири, 74).

Такой же отрыв однородных по функциям звеньев, равных предложению, обнаруживается и в поясняющей части бессоюзных предложений:

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.
Еще мне хватит этой полки,
Еще московских суток жаль
Еще такая даль до Волги... (9)

В качестве изолированных очень часто используются и предложения с сочинительными союзами и, а в присоединительной функции, воспринимаемые также как результат расчленения более сложных конструкций. В языке поэмы эти союзы при присоединении получают все многообразие значений, свойственное им в разговорной речи. Конструкциями с союзом и вносятся выводы, заключения или существенные добавления к высказанному, как в заключении глав 7-й и 9-й:

С той правдой малого разлада
Не понесет моя строка.
И мне свое исполнить надо,
Чтоб в даль глядеть наверняка. (гл. 9-106)

Иногда союз и получает значение присоединительного и вот, указывая на появление чего-то ожидаемого (например, Волги в гл. «Семь тысяч рек» – стр. 28-29), или он вводит присоединение, выражающее внезапно возникшую реакцию автора на только что названный факт:

И я с заката прибывая,
Ее (Сибирь) отсюда вижу вдруг
Аа! Ты вот еще какая! и торопливей сердца стук... («Огни Сибири», 185)

Присоединительные же изолированные предложения с союзом а, обычно повторяющимся, называют факты, постепенно возникающие в сознании, как бы нанизывающиеся один на другой, и чрезвычайно типичны для разговорного просторечия, а также для сказок, былин и пр. У Твардовского часто целые цепи таких присоединений, особенно в 1-й главе:

А за Уралом -Зауралье,
А там своя, иная даль.
А там Байкал, за тою далью,
В полсуток обогнуть едва ль,
А за Байкалом -Забайкалье,
А там еще другая даль,
Что обернется далью новой... и т. д. (10)

Союз а оформляет возвращение в повествовании к прежнему предмету речи, вдруг оставленному из-за необходимости сообщить что-то важное для понимания ситуации. Так, с а начинается рассказ о старом друге, прерываемый рассуждением о писательском долге («А речь идет о старом друге, о лучшем сверстнике моем» – гл. «Друг детства», 94). Присоединительная часть осложняется модальным элементом «а между тем»: «А между тем я как бы ехал с ним, товарищем моим» (102); «А между тем своей дорогой все дальше ехал на восток». (103) Авторские замечания-вопросы, прерывающие повествование, начинаются с «а» в присоединительном значении:

И о тебе все эти строчки,
Чтоб кто другой, смеясь, прочел,

Ведь я их выдумал до точки,
Я сам. А ты-то тут при чем?
На край земли, быть может, едут.
А что такое край земли? (161)

Присоединительные элементы с и, а очень уместны в несобственно-прямой речи (гл. «Москва в пути»), – именно в ней, как известно, они наиболее продуктивны и естественны.

Союзы и, а в присоединительной функции вводят иногда сложноподчиненные предложения с придаточным в препозиции, так что конструкция начинается стыком союзов (а что, и что, и если, и как, и словно и т. д.). Значение дополнительного сообщения, вывода тогда особенно ощутимо. Например: Один в пути – какой он житель! Догнать, явиться: виноват, отстал, взыщите, накажите... А как наказан, так солдат!

Так свой опять – и дело свято. Хоть потерпел, зато учен.
А что еще там ждет солдата, То все на свете нипочем... (22)

Присоединительные конструкции с специфическими присоединительными союзами на базе сочинения (а то, да и, а то хоть и др.) у Твардовского нередки и используются как изолированно, так и без отрыва от основного высказывания («Казалось, был он кровный, личный, извечный враг тыловигов, да и оратор был каков!» (III)). Наоборот, группа присоединительных союзов, связанная с подчинением и имеющая книжный характер (вследствие чего, отчего, оттого и др.), в синтаксисе поэмы совершенно неупотребительна – видимо, из-за несоответствия общей «разговорной» тональности произведения и из-за невозможности употребить конструкции с ними в расчлененном виде. Вообще же присоединение в составе сложных предложений малопродуктивно: автор предпочитает в таких случаях расчленение конструкций. Если присоединения малоразвернутые (отдельные члены, словосочетания) используются при описаниях, обнаруживая напряженность событий и понятную взволнованность автора, то присоединение предложений более характерно для авторских рассуждений: в них содержатся обычно добавочные замечания оценочного и разъяснительного характера, обобщения, иногда афористически заостренные. Прерывистость синтаксической связи, отличающая стилевую манеру Твардовского в поэме, создается не только применением присоединительных конструкций, но и близких к ним по значению вставочных. Последние также вносят попутные замечания, уточнения, добавления. Причины возникновения их в речи те же самые: «быстрое развертывание разговорной речи не дает предусмотреть заранее всех необходимых предварительных сведений и сделать подготовительные сообщения» поэтому все замечания делаются на ходу. Для Твардовского характерны вставки в форме вопросов, иногда риторических:

Нет, я живу, спешу тревожно
– Не тем ли доля хороша –
Заполнить мой дневник дорожный
Всем, чем полна еще душа. (85)
Мы звали – станем ли лукавить?
Его отцом в стране – семье... (195)

Но чаще это замечания оценочного характера. В отличие от присоединений, вставки почти всегда развернуты до предложений, словосочетания же редки («На пафос тот, отчасти зверский, он отвечал – уму учил – с улыбкой мягко-министерской больших секретарей-мужчин»... 112).

Кроме союза *ли* и вопросительных слов в косвенных вопросах, при вставке используются те же связующие элементы, что и при присоединении – союз *и* здесь имеет явно присоединительное значение: «Сама пасет меня тревожно (и уморить могла б любя): ах, то-то нужно, то-то можно, а то-то вредно для тебя...» (219). И в присоединительных, и во вставочных конструкциях наглядно фиксируются элементы создающегося, возникающего предложения: они и располагаются в виде постепенно присоединяемых добавлений.

Яркую экспрессию непринужденной разговорной речи имеют в языке поэмы конструкции, связанные с особым использованием глагольного наклонения. Так, используемая в роли сказуемого придаточного предложения форма повелительного наклонения, приобретая значение условного, освобождает конструкцию от подчинительного союза и вносит очень заметный оттенок значения энергичного, неожиданного действия: «Не подоспей боеприпасы – бой задохнется без огня» (149); «Этот спор дорожный в вагоне шел бы до сих пор, не встрянь... мой майор» (108) и др. Таким образом, подчеркивается и уступительная связь: «Отца родного не проводил в последний путь – еще ты вроде молодого, хоть борода ползи на грудь» (202). При этом у Твардовского используются формы, чуждые книжной речи и специализирующиеся в разговорной связи частей предложения (случись, будь и др.).

Отмечены у Твардовского и конструкции, в которых обнаруживается свойственный разговорной речи факт, когда придаточные уступительные с формой повелительного наклонения в роли сказуемых обобщенно-личных предложений утрачивают значение предложений и превращаются в фразеологические выражения глагольного типа (что там ни толкуй, что ни говори и пр.): «Поля, просторы – хоть залейся!» (181); «Как ни мудри, а им видней» (77). С другой стороны, многие сложные конструкции в поэме строятся так, что фразеологизмы разного грамматического состава получают в них значение частей сложного предложения (главной или придаточной): «Повремени, крутое время, дай оглядеться, что к чему» (117); «Во-первых, если ты мужчина, то вроде как бы не того» (117); «И что ж такого, что с годами я к той поре глухим не стал...» (51) и др. Нередко весь состав предложения исчерпывается фразеологизмом, иногда лишь слегка трансформированным: «Лиха беда – пути начало» (16); «Беда, что все до меду падки: себе не враг никто живой». (129)

Внесение богатых разговорных интонаций связано с применением в языке поэмы устойчивых построений, воспроизводимых как «готовые формулы» языка. Так, ряд простых конструкций именного типа, несмотря на заменяемость компонентов, строится по устойчивой, как бы фразеологизированной схеме, характеризующейся повторением одного и того же существительного в разных формах при обязательном словорасположении. Таковы построения из именительного и творительного падежей, употребляемые как часть сложной противительной конструкции для подчеркивания наличия признака, выявляющегося независимо от других «Деньга-деньгою, слава-славой, но сверх того еще по нраву класс показать...» (152); «Скажу сперва насчет рядов. Зачем же вдруг? Ряды – рядами» (114).

В поэме употреблено много частиц. Само присутствие частиц уже переводит повествование в экспрессивный план, тем более что большинство из них имеет в языке поэмы стилистическую окраску разговорной речи. Применение частиц, как правило, связано с категорией предикативности. Так, частица что, не всегда утрачивающая связь с местоимениями, служит акцентированию вопросительного значения предложений, причем что усиливающие ее частицы – а, ну, же – интонационно отделяются от всего состава предложения: «И что же – чудо иль не чудо, – дела идут не так уж худо» (205); «Да! Что же: речи, песни, письма, а как до дела...» (133); «А, что не молодцы?» (152).

Эти и подобные им конструкции с использованием частиц, а также другие, свойственные только обиходной речи, например, неполные предложения, усечения и вставные элементы создают своеобразную разговорную тональность поэтического языка произведения. Язык произведения становится яркой и сочной, очень понятной простому читателю.

Сделанный нами анализ позволяет утверждать, что произведение А.Т. Твардовского от начала до конца, с первого слова до последнего рассчитано на то, чтобы быть услышанным и понятым читателем-собеседником. Эта цель, естественно, достигнута автором.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Твардовский А.Т. За далью – даль. – М., 1982. – 142 с.
2. Крючков С.Е. О присоединительных связях в современном русском языке. – В сб.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – 407 с.
3. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Флинта, 2018. – 576 с.